

— Я хочу отделиться от семьи.

Стоило этим словам прозвучать, как среди людей поднялся шум. Первым опомнился Чжоу Дэжун: он указал на Чжоу Сяолэ трубкой и сердито сказал:

— Что за бред ты несёшь? Ты маленький гэр, который скоро выйдет замуж. С чего это тебе требовать раздела семьи?

Ван Гуйчжэнь тоже вспыхнула:

— Вот именно! Ты ещё не вышел замуж, а уже думаешь отделиться? Хочешь отхватить себе родовое имущество нашей семьи Чжоу? Даже не мечтай!

Сказав это, она снова хотела завывать перед старостой, но тот словно заранее ожидал решения Чжоу Сяолэ: на лице у него не было ни малейшего удивления, и он даже с едва заметным одобрением взглянул на Чжоу Сяолэ.

Одного чуть властного взгляда старосты хватило, чтобы вой, ещё не сорвавшийся с губ Ван Гуйчжэнь, застрял у неё в горле. Затем он неторопливо посмотрел на Чжоу Дэ Жуна и сказал:

— По-моему, требование Лэ-гэра вполне разумно. Родители Лэ-гэра и Цин-цзеэр ушли рано, и, по правде говоря, это брачное дело действительно должна была бы вести старшая тётка Лэ-гэра. Но теперь семья Дэжуна сама потребовала открыть родовой храм, а значит, это уже нельзя считать простым домашним делом. К тому же дело Лэ-гэра и Сюй Гуаня особое, его нужно рассматривать отдельно. Эти двое вступают в брак ради доброго имени деревни; если говорить прямо, это тоже во благо деревни. Значит, сделаем так, как сказал Лэ-гэр: раздел семьи!

Только теперь Чжоу Дэжун почувствовал, что что-то не так. Раньше, хотя староста и велел позвать Чжоу Сяолэ, он не дал ему по-настоящему оправдываться, а наоборот, действовал так, как Чжоу Дэжун и рассчитывал: подталкивал к браку Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня.

Чжоу Дэжун ещё не успел обрадоваться, как вся его задумка была разрушена одним словом - раздел.

Если они отделятся, как тогда заселиться в дом Сюй Гуаня? Как получить свадебные дары? А без свадебных даров чем отдавать игорный долг?

Чжоу Дэжун должен был помешать этому. Он тайком подал Ван Гуйчжэнь знак глазами.

Ван Гуйчжэнь поняла, сразу шагнула вперёд на два шага и закричала:

— Нельзя! Староста, у Лэ-гэра только-только назначили брак, а он уже отделяется от семьи. Неужели поля и имущество, которые наш род Чжоу зарабатывал поколениями, должны достаться чужаку?

— Делить! — в этот миг из толпы раздался хриплый голос. Это пришла Чжоу Цинцин, пробравшись сюда под дождём.

Она и без того была слабой и болезненной, а теперь половина её тела промокла под дождём, и казалось, она вот-вот упадёт.

— Родового имущества семьи Чжоу нам не нужно. Мы оставим только несколько му земли, которые мой отец и мать заработали тяжёлым трудом за всю жизнь, и дом, который они построили!

Цинь Сань-нян, стоявшая ближе всех, увидела Чжоу Цинцин в таком виде и поспешно поддержала её - боялась, что та промокла и подхватит простуду, а ещё больше боялась, что при её болезни от гнева случится беда.

Цинь Сань-нян нахмурилась и сказала:

— Ты разве не знаешь о своей болезни? Дождь идёт, зачем ты сюда прибежала?

Чжоу Сяолэ поспешно подбежал и помог Чжоу Цинцин сесть на стул. Сюй Гуань очень вовремя заметил, что нужно сделать, и принёс из угла жаровню. Он достал из рукава огниво, подул, разжёл лежавшие в жаровне ветки; только веток было немного, и он снова пошёл к стене, принёс ещё дров. Чжоу Сяолэ взял дрова и сложил из тонких веток небольшой костёр, чтобы огонь разгорелся сильнее.

Староста понимал, что при болезни Чжоу Цинцин ей нельзя попадать под дождь и простужаться, поэтому поспешно велел позвать лекаря Чжоу, а своего супруга Ци Цююня попросил принести из внутренней комнаты верхнюю одежду, чтобы накинуть на Чжоу Цинцин.

О болезни Чжоу Цинцин знали все в деревне, и даже Ван Гуйчжэнь не осмелилась в этот момент огрызаться: боялась, что с Чжоу Цинцин случится что-нибудь непоправимое.

Чжоу Сяолэ сжал руки Чжоу Цинцин и грел их у огня, одновременно говоря:

— То, что только что сказала старшая сестра, - именно то, чего хочу и я. Сейчас у нашей семьи десять му заливных полей и три му сухих полей. Из них семь му заливных полей и два му сухих - родовое имущество, а оставшиеся три му заливных и одно му сухого поля заработали тяжким трудом мой отец и мать. Дом тоже построен на земле, которую мои родители сами купили; к родовому имуществу он не относится. Прошу старосту рассудить и разделить семью.

Услышав это, у Ван Гуйчжэнь будто все тело заболело от жадности.

— Вздор! Всё, что заработали твои отец и мать, принадлежит семье Чжоу! Вы отделяетесь, но твои родители-то из рода не отделялись. Даже не мечтайте унести с собой хоть что-нибудь!

Староста тихо хмыкнул и сказал:

— Раздел семьи и начинается с отца и матери Лэ-гэра и Цин-цзеэр, иначе что это за раздел? Поля и дом поделим так, как сказал Лэ-гэр: родовые земли остаются семье Чжоу, а поля и дом, заработанные его родителями, остаются Лэ-гэру и Цин-цзеэр. Пусть даже в будущем это будет их приданым при замужестве. Дэжун, против такого раздела у тебя есть возражения?

Староста твёрдо решил помочь Чжоу Сяолэ и Чжоу Цинцин отделиться от семьи. В обычные дни его власть в деревне была прочной, и в такой ситуации кто осмелился бы идти против него?

Чжоу Дэжун мог только, сдерживая злость, покачать головой. Ван Гуйчжэнь, увидев, что её муж уступил, тут же громко завывала. От её криков у людей разболелась голова. Прежде некоторые ещё жалели Ван Гуйчжэнь, думая, что она растила детей семьи второго брата, но теперь, услышав, что при разделе она не хочет отдать брату с сестрой ни единой вещи, все почувствовали: эта старшая тётка и правда жестока сердцем.

Раз решение уже принято, староста не стал тянуть и прямо на месте написал расписку о разделе семьи в трёх экземплярах. Когда её прочли вслух, Чжоу Сяолэ и Чжоу Дэжун вышли вперёд и поставили отпечатки пальцев. По одному экземпляру получил каждый из них, а третий остался у старосты.

С этого дня Чжоу Сяолэ и Чжоу Цинцин отделились от семьи старшего дяди. Впредь, кроме жертвоприношений предкам в родовом храме семьи Чжоу, свадьбы, похороны и брачные дела обеих сторон уже никак не будут связаны.

Чжоу Дэжун возвращался домой, кипит от злости. Ван Гуйчжэнь, провалив дело, не смела открыть рот; Чжоу Юн, сказавший слово в защиту Чжоу Сяолэ, тем более не решался говорить. Вернувшись домой, Чжоу Юн сразу юркнул на кухню готовить ужин. Подготовка в их доме и так была его обязанностью, и сейчас это как раз позволяло спрятаться от бури.

Едва Чжоу Дэжун вошёл в главную комнату, он пнул длинную скамью и опрокинул её, а сам сел на другую, молча свернул табак и несколько раз затянулся так крепко, будто хотел проглотить дым вместе со злостью. Ван Гуйчжэнь всё-таки была его женой и хорошо знала его нрав: стоит ему сделать несколько затяжек, и гнев немного уляжется.

Увидев, что лицо Чжоу Дэжуна смягчилось, Ван Гуйчжэнь в душе выдохнула, но стоило вспомнить сегодняшнее дело, как снова стало не по себе.

Ван Гуйчжэнь не удержалась и с обидой сказала:

— Муж, этот брак вроде бы и устроился, но раз семья разделена, то теперь состоится он или нет - уже к нам отношения не имеет!

— Кто бы подумал, что этот щенок, едва разум прояснился, будто другим человеком стал, — Чжоу Дэжун сделал ещё несколько затяжек и сказал: — Свадебные дары не получили, зато хотя бы родовые земли вернули. Этим нескольких му хватит, чтобы выплатить игорный долг.

Договорив, он увидел, что их гэр Чжоу Сяодун высунул голову из-за двери и заглядывает внутрь; только что улёгшаяся злость снова поднялась.

Чжоу Дэжун хлопнул по столу и выругался:

— Чего у двери торчишь?

Чжоу Сяодун вздрогнул от испуга, губы у него дрогнули, он вот-вот готов был расплакаться, но боялся разозлить отца и не смел издать ни звука; глаза быстро наполнились слезами. Он был красив, и этот вид «на грани слёз, но ещё не плачет» невольно вызывал жалость. Злость Чжоу Дэжуна снова застряла в груди.

Ван Гуйчжэнь, увидев, что Чжоу Сяодун заплакал, сразу поняла: Чжоу Дэжун больше ругаться не станет. Она поспешно подошла к двери и втянула Чжоу Сяодуна внутрь. Она вытерла ему слёзы и тайком подала знак глазами, сказав:

— Ну же, скорее проси у отца прощения. Всё из-за этих проклятых безглазых приятелей! Как они могли потащить тебя в такое людоедское место, как игорный дом?

Чжоу Сяодун знал, что виноват, и, всхлипывая, признал ошибку:

— Отец, брат Цзинь повёл меня туда, я ведь не смел не пойти. Если бы я не пошёл, брат Цзинь сказал бы своему отцу, разве старший брат тогда смог бы ещё работать в ресторане?

Ван Гуйчжэнь тут же подхватила:

— Вот именно. Этот брат Цзинь работой старшего угрожал нашему Дун-гэру, а Дун-гэр ведь только боялся, что старший потеряет место. Наш Дун-гэр ещё мал и неразумен, нельзя его винить.

Сказав это, она повернулась к Чжоу Сяодуну и притворно сердито бросила:

— Но если ты ещё раз пойдёшь в игорный дом, смотри, я тебе ноги переломаю!

Чжоу Сяодун сквозь слёзы сказал:

— Не посмею, не посмею. Матушка, я понял, что был неправ!

— Муж, Дун-гэр уже понял, что был неправ. В этот раз мы хоть и не получили свадебные дары, зато вернули себе родовые земли, которые у нас захватили. А остальное потом ещё придумаем, как забрать. Нельзя же отдавать тот дом двум неблагодарным волчатам просто так!

Чжоу Дэжун и сам понимал эту логику. Он затаился дымом, прищурился и, выпуская дым, кивнул. Увидев, что Чжоу Дэжун её услышал, Ван Гуйчжэнь успокоилась.

Не смотрите, что в глазах посторонних Чжоу Дэжун казался честным человеком с хорошим нравом, обычно молчал и только курил; дома он хоть и редко злился, но стоило ему разозлиться, как домашней утвари непременно доставалось, а иногда и людям приходилось терпеть побои.

Ван Гуйчжэнь в душе его боялась. Удар трубкой - ладно, потерпишь, заживёт; а вот если домашние вещи разобьёт, потом снова тратить деньги на покупку, от этого сердце болело сильнее.

Чжоу Сяодун понимал, что это дело можно считать законченным. Как только добудут деньги и выплатят игорный долг, он снова сможет пойти в городок развлекаться. Эти несколько дней он боялся, что люди из игорного дома придут требовать долг, к тому же его заперли дома, и он всё это время не мог ходить в городок; в душе он давно уже не находил себе места. Подумав об этом, он стал всхлипывать ещё сильнее, отчего Ван Гуйчжэнь совсем разжалобилась и принялась торопить Чжоу Дэжуна, чтобы завтра с утра он пошёл к старосте договариваться о продаже земли.

Чжоу Дэжун тоже не смел слишком долго оставаться должником игорного дома, поэтому согласился.

Едва они договорились, как за дверью Чжоу Юн позвал есть. Ван Гуйчжэнь поставила на место опрокинутую скамью и села. Когда Чжоу Юн вынес еду, Чжоу Сяодун, избавившись от тревоги, за столом нарочно стал угождать Чжоу Дэжуну и наговорил ему немало приятных слов. Этот ужин прошёл куда спокойнее и радостнее прежних; даже Чжоу Юна за всю трапезу ни разу не отругали. И правда, словно в доме царили мир и согласие.

После того как собрание в родовом храме разошлось, лекарь Чжоу проверил пульс Чжоу Цинцин, выписал рецепт, и Чжоу Сяолэ повёл Чжоу Цинцин домой.

Цинь Сань-нян забеспокоилась и тоже пошла вместе с ними. Сюй Гуань непонятно как

оказался помолвлен; увидев состояние Чжоу Цинцин, он немного поколебался и всё же тоже пошёл следом.

Только он держался далеко позади остальных, и если бы они не прошли мимо его дома, Чжоу Сяолэ так бы и не узнал, что Сюй Гуань тоже пошёл следом.

Вернувшись домой, Чжоу Сяолэ устроил Чжоу Цинцин, попросил Цинь Сань-нян помочь ей переодеться в сухое и вышел из комнаты. Во дворе он увидел Сюй Гуаня: тот стоял, опустив глаза, и думал неизвестно о чём. Во дворе остались только они двое. Хотя помолвка уже и была назначена, Чжоу Сяолэ не мог вот так сразу привыкнуть к новой роли. Сейчас он чувствовал лишь неловкость. Сюй Гуаня он почти не знал; виделись они всего несколько раз, и впечатление о нём оставалось неглубоким.

И теперь он действительно не знал, что сказать.

Сюй Гуань пришёл в себя, заметил неловкость на лице Чжоу Сяолэ и сам тоже растерялся. Руки, опущенные по бокам, невольно сжали края рукавов.

Он осторожно спросил:

— Есть... есть что-нибудь, с чем я могу помочь?

Чжоу Сяолэ как раз собирался сварить Чжоу Цинцин имбирный чай. Раз Сюй Гуань сам спросил, он не хотел упускать возможность немного узнать его.

— Можешь помочь развести огонь? Я как раз хотел сварить имбирный чай, чтобы прогнать холод.

— Хорошо, хорошо, — Сюй Гуань поспешно кивнул и вошёл следом за Чжоу Сяолэ на кухню.

Сюй Гуань жил один, и такое дело, как растопить очаг, давно не было для него трудным; более того, он был в этом весьма ловок. Ведь если добытую на охоте дичь он не нёс продавать, то обычно жарил её сам, так что с огнём был знаком прекрасно.

<http://bllate.org/book/17639/1664150>